

Кто был первым
глубокоуважаемым
в истории русского языка?

© Е. В. ГЕНЕРАЛОВА,
кандидат филологических наук

В статье на фоне истории других этикетных прилагательных, известных в русском языке в разные периоды его существования, рассматривается возникновение и употребление прилагательного *глубокоуважаемый*. Это прилагательное – одно из основных официальных этикетных обращений настоящего времени, которое может использоваться в языке и для создания комического эффекта.

Ключевые слова: этикетное обращение, высокоофициальная лексика, прилагательное, функционирование в языке.

Этикет – это исторически изменчивое, национальное, всегда более или менее строго регламентируемое и достаточно условное понятие (само слово – заимствование из французского, известное в русском языке

с XVIII века и получившее распространение благодаря принятию французского придворного церемониала [1]). Во все времена эти условности, определяющие, в отличие от морали, внешнюю сторону поведения человека, играли принципиальную роль в жизни общества. Этикетные обращения – одна из важнейших составляющих манеры поведения человека как внешний знак отношений между людьми. Использование того или иного обращения обусловлено сферой общения, прагматической установкой, конкретной ситуацией и, конечно, временем. Если еще сто лет назад наши предки прекрасно знали, *светлейшим* или *сиятельным* следует именовать графа, по отношению к кому именно надо использовать слова *высокородие*, *высокоблагородие*, *высокопревосходительство* и т.д., то для нас эти обращения – факт истории, известный по книгам и фильмам.

Одним из основных официальных этикетных обращений настоящего времени является модель «*Глубокоуважаемый* (такой-то)!». В настоящей статье на материале Национального корпуса русского языка, создаваемой д.ф.н. А.А. Бурыкиным Библиотеки лексикографа (электронной библиотеки русских текстов XVIII–XXI вв., предназначенной специально для филологических исследований) и данных Интернета прослеживаются история и традиция употребления прилагательного *глубокоуважаемый* в русском языке.

В ряду этикетных обращений *глубокоуважаемый* – относительно недавнее слово. Его первая лексикографическая фиксация относится к 1934 году, когда слово было зарегистрировано в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, но известна консервативность словарей и их запаздывание в отражении фактов живого языка. По крайней мере, слово не отмечено ни в словарях XIX века, ни в Картоотеке «Словаря русского языка XVIII в.» (Санкт-Петербург, ИЛИ РАН) (хотя уже в XVIII в. фиксируется словосочетание *глубокое уважение*).

Кто же был первым *глубокоуважаемым* в истории русского языка?

В «Большом академическом словаре русского языка» приводятся контексты с этим словом, относящиеся к XX веку [2]. Но слово, несомненно, возникло в языке раньше – очевидно, еще в начале XIX века. Одна из первых фиксаций этой лексемы датирована 1826 годом, и это употребление именно в качестве обращения: «*Глубокоуважаемая матушка! Позволь несчастному сыну твоему еще раз назвать себя этим сладким именем*» (письмо декабриста А.О. Корниловича матери из Петропавловской крепости). И в другом достаточно раннем контексте (1858 г.) прилагательное *глубокоуважаемый* характеризует мать: «Эти два очерка вместе с легендой о Князе Петре и Февронии ... замечательны тем, что имеют своим предметом женщину, в ее различных семейных и бытовых отношениях, как преданную супругу, нежную сестру и любящую и *глубокоуважаемую* мать» (Буслаев. Идеальные женские характеры

Древней Руси). То есть на ранней стадии своего употребления *глубокоуважаемый* еще не было формой официального этикетного обращения, а прежде всего выражало эмоцию глубокого почтения (в прямой связи с внутренней формой сращения).

Слово, очевидно, начинает активно использоваться в качестве почти-тельного, а затем официально-вежливого обращения в последней четверти XIX века. Оно появляется в переписке этого времени: например, в ответ на письмо Л.Н. Толстого с обращением «Многоуважаемый Николай Николаевич!» в январе 1887 года Н.Н. Миклухо-Маклай пишет: «Ваше сиятельство, *глубокоуважаемый* граф Лев Николаевич». В такой функции слово также фиксируется в произведениях классиков русской литературы, например: «Сознаю, вполне сознаю, *глубокоуважаемый* Парфен Маркыч, что многое выходит не так, как было бы желательно, но что делать, глаза выше лба не растут...» (Мамин-Сибиряк. Бойцы. 1883 г.). Наиболее ранние обращения с прилагательным *глубокоуважаемый* находим в письмах, написанных Д.В. Григоровичем, М.Д. Бутурлиным, Г.И. Успенским, великим князем Константином Константиновичем (К.Р.).

Пик употребления слова *глубокоуважаемый* в русском языке – начало XX века. *Глубокоуважаемый* становится необходимым элементом официальной деловой переписки (часто используется в письмах В.Г. Короленко, М. Горького, зафиксировано в письмах П.А. Столыпина и его юбилейном адресе 1907 года, переписке П.Н. Врангеля, А.В. Колчака, П.Н. Краснова и др.), укореняется в публицистике (есть, например, в статьях «Общечеловеческие корни идеализма» П.А. Флоренского в «Богословском вестнике» (1909 г.), «Эстетика “Мертвых душ” и ее наследье» И.Ф. Анненского в журнале «Аполлон» (1911 г.) и др.), попадает и в художественную литературу (встречается в произведениях «Звездная пыль» Л.Н. Андреева (1906 г.), «Гранатовый браслет» А.И. Куприна (1910 г.), незаконченном романе А.Н. Толстого «Егор Абозов» (1915 г.), произведениях М.А. Булгакова 20-х гг., И.С. Шмелева и др.). При этом язык как бы «нащупывает» границы стилистического потенциала этого слова, в связи с чем возникают сочетания *глубокоуважаемый и дорогой*, *глубокоуважаемый и любимый*; интересно согласование этого официального этикетного средства с неофициально-разговорными образованиями, например, *Глубокоуважаемая Лидочка!* у К. Чуковского.

Образовано слово *глубокоуважаемый* по модели многих этикетных прилагательных путем сращения параметрического наречия с причастием (прилагательным), например, известные в истории языка *высокопочтенный*, *высокодостойный*, *многоуважаемый* и др. Такие сращения (особенно часто с элементами *высоко-* (*выше-*) и *велико-*) активно использовались как этикетные в языке Московской Руси XVI–XVII веков, но в первую очередь не как обращения, а при упоминании

высокопоставленных лиц, при ссылке на них, а также на связанные с ними объекты и явления: «А ныне своим государьским *высокодостойнейшия* чести величества обычаем подлинную заповедь со смирением даем» (Послания Ивана Грозного, 1573 г.), «Буду моего *многопочтенного* и *высоколюбительного* гедря верной и готовый радетелной слуга» (Вести-Куранты. II. 1645 г.), «И после сеи кровопролитой войны *высокославной* мир и успокоение впред было» (Вести-Куранты. V. 1656 г.), «Великому государю *высокоместному*, на главе венец имеюшу, подобно солнцу сияющу ... великому князю Алексею Михайловичу ... посол Палван Кулыбек бьет челом» (Крестьянская война под предводительством С. Разина: Сб. документов. 1673 г.) [3]. Собственно, в это время и складывается группа лексики, стилистическая принадлежность которой может быть охарактеризована как «высокоофициальная» – сопровождающиеся эмоцией глубокого почтения и уважения слова, употребляющиеся в отношении глав государств, представителей знати, важных чиновников, их свойств, предметов, с ними тесно связанных (*высокодержавный, высокославный, высокочтенный, высокопочтенный, великорожденный, великоможный* и др.).

Показательно использование в качестве первого элемента сращения наречия *глубоко*. Переносная семантика ненормированности типична для общих и конкретных обозначений размерности (*великий человек, большое чувство, высокие помыслы, низкий поступок, мелкие интересы, широкая душа* и т.д.). Интересно, что в данном случае синонимами при образовании этикетных обращений выступают наречия *высоко* и *глубоко* с семантикой «очень», «в высшей степени», «существенно» при том, что в конкретном значении эти наречия (и производящие прилагательные *высокий* и *глубокий*) – антонимы. Антонимия здесь векторная, возникающая на основе противоположности направления, где нулевая точка отсчета – обычно поверхность земли: если *высокий* – «значительный по протяженности снизу вверх и расположенный на существенном расстоянии наверху», то *глубокий* – «значительный по протяженности сверху вниз и расположенный на существенном расстоянии внизу».

Глагол *уважать*, восходящий к этимологическому гнезду *вага* («вес, тяжесть», «весы», перенос значения «тяжесть» – «уважение, ценность», откуда *важный, отвага*) заимствуется из польского языка в XVIII веке, и причастие от этого глагола, а также сращения с этими причастиями, широко используются как этикетные средства на протяжении XIX века: *уважаемый, многоуважаемый, ироничное премногоуважаемый, редкое высокоуважаемый*. Сращение с наречием *глубоко* – самое молодое среди такого рода обращений, возникает, очевидно, в первой половине XIX века, хотя в произведениях авторов того времени встречаются и случаи раздельного написания наречия и причастия: «Прощайте, прощайте, благороднейшая и *глубоко уважаемая* женщина!» (А.И. Герцен. Кто

виноват?, 1841–1846 гг.). Судя по данным европейских языков, слово возникает в русском языке и, в отличие от многих этикетных прилагательных, едва ли это калька.

В области функционирования лексемы *глубокоуважаемый* в современном русском языке можно выделить следующие аспекты:

1. Начиная с XIX века слово используется как этикетное обращение. В настоящее время является практически обязательным в юбилейных адресах, строго официальных письмах, выступлениях. Использование *глубокоуважаемый* возможно в сочетании с апеллятивом (имя и отчество или стандартизованное обращение (*господин, мистер, синьор*) и фамилия), а также с рядом нарицательных существительных (*коллега, оппонент, председатель, редакция, комиссия* и др.). Возможно в обращении к группе лиц (*глубокоуважаемые дамы и господа, глубокоуважаемые члены диссертационного совета*). При использовании прилагательного в обращении в ситуации общения, не требующей строгой официальности, создаются ироничные контексты, например: «Глубокоуважаемый вагонуважатый!» (Маршак. Человек рассеянный. 1930 г.); «Глубокоуважаемая форумчанка!». В словаре Д.Н. Ушакова значение лексемы *глубокоуважаемый* формулируется как «обращение к почтенному человеку», при этом субъективность понятия «почтенный человек» также предопределяет возможную иронию (ср. окказиональные образования типа *мелкоуважаемый*).

2. Слово используется не только как обращение, но и при упоминании уважаемых людей (обычно в официальной речи), т.е. может функционировать не только с коммуникативной, но и с номинативной функцией («по словам *глубокоуважаемого* оппонента»); как правило, такие употребления имеют место в контекстах, подразумевающих скрытый или явный диалог. В ряде случаев пародируется патетика официальности и возникают ироничные употребления. Например: «Он очень сожалеет, что вторгся так поздно в жилище *глубокоуважаемого* архивариуса и причинил ему беспокойство своим визитом, но надеется, что *глубокоуважаемый* архивариус простит его, когда узнает, какое чувство толкнуло его на это» (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев. 1927 г.).

3. При использовании без определяемого существительного, субстантивируясь, обращение *глубокоуважаемый* из официального превращается в фамильярно-пренебрежительное: «Новеллы, господин Никитин, смею вам заметить, по-европейски – романы, запомните, *глубокоуважаемый*» (Бондарев. Берег. 1975 г.). Это характерное разговорное использование подобных этикетных прилагательных, например: «Но на чем же вы поедете, *многоуважаемая?*» (Чехов. Чайка. 1896 г.).

4. Всегда ироничны контексты, в которых слово *глубокоуважаемый* используется в сочетании с обозначениями неодушевленных предметов. В данном случае в судьбе прилагательного *глубокоуважаемый*

решающую роль сыграло чеховское «Многоуважаемый шкаф!»), начало патетической тирады Гаева. Это выражение стало крылатым как символ напыщенных, торжественных речей, «употребляется в ситуации, когда произносятся бесполезные речи вместо того, чтобы предпринять что-либо» [4]. Несмотря на то, что в окончательной редакции оригинального текста пьесы «Вишневый сад» (1904 г.) использовано именно прилагательное *многоуважаемый*, выражение, ставшее крылатым, часто воспроизводится как «*глубокоуважаемый (!) шкаф*»: например, «...внимание к нему привлек театр, то, что тысячу раз повторилось его имя на афишах, что запомнились “22 несчастья”, “*глубокоуважаемый шкаф*”, “человека забыли”...» (Бунин. Чехов. 1904–1915 гг.), «Он шуровал в старом шкафу со всякой рухлядью, вынесенном в коридор в ожидании окончательной ликвидации. В этом ожидании “дорогой, *глубокоуважаемый*” провел уже с десятков лет, набитый старой одеждой, сношенной обувью, сломанными зонтиками, пустыми коробками и прочей дрянью» (Нагибин. Другая жизнь. 1990–1995 гг.), «Помните чеховское “*Глубокоуважаемый шкаф*”? А вот, например, этот обеденный стол из дуба в салоне фирмы “Вектор”? ..Как к нему обращаться? Наверное, тоже только на “вы”» (Шагиева. К мебели на «вы» // Биржа плюс свой дом. Нижний Новгород. 2002. 14 окт.). Такая подмена достаточно показательна и для современников А.П. Чехова, т.к. именно в это время – в начале XX века прилагательное *глубокоуважаемый* очень активно утверждается в языке (при этом сам А.П. Чехов использовал в переписке только обращение *многоуважаемый*) и для нашего времени, когда *глубокоуважаемый* – слово более частотное, чем *многоуважаемый*.

За счет яркой образности и экспрессивности сочетание живет в языке, и по его модели появляются сочетания с переменным компонентом, обозначающим род мебели: *глубокоуважаемый стул, глубокоуважаемый комод* (ср. и аналогичные *многоуважаемый стул* и т.п.). Они используются в периодике (например, Г. Ревзин. Глубокоуважаемый стул. Как у МГУ сперли библиотеку // Русская жизнь. 2013. 24 янв.) и в рекламных текстах (обычно мебельных фирм). Возможны и другие окказиональные сочетания с прилагательным *глубокоуважаемый*: «Глубокоуважаемый микроб» (К. Булычев).

Контексты, в которых отражена рефлексия автора или лирического героя относительно выбора обращения, позволяют понять место слова *глубокоуважаемый* как этикетного средства не в реконструируемом синонимическом ряду, а в языке определенного времени и в связи с конкретной коммуникативной задачей: «Дорогой Алексей Михайлович! Что Вы мне пишете, как Архиеерею в Консисторию: “*Глубокоуважаемый!*” Разве мы не социал-демократы и не “товарищи”!» (Ремизов. Кукуха. Розановы письма. 1923 г.); «Он достал чистую бумагу, сел к столу и задумался. Потом неуверенно написал: ”*Глубокоуважаемый...*” Нет,

не то. “Уважаемый, любимый...” Нет, он снова зачеркнул. Надо проще, дружески. Как тогда, в минуту встречи) (Кетлинская. Мужество. 1934–1938 гг.); «И я отлично понимаю, что больше не смею претендовать ни на “глубокоуважаемого”, ни на «достопочтенного» – ладно уж, называйте меня, как раньше, “милым”, а, Ирина?» (Даниэль. Письма из заключения. 1966–1970 гг.).

Дифференциация употребления в современном языке лексем *глубокоуважаемый* и *многоуважаемый*, действительно, в ряде случаев затруднительна, история и использование этих двух прилагательных схожи и очень близки (правда, прилагательное *многоуважаемый* фиксируется в языке как этикетное обращение несколько раньше – с конца XVIII в.). Анализ языкового материала позволяет сделать вывод, что в настоящее время более употребительным является слово *глубокоуважаемый*, это этикетное обращение практически обязательно при почтительном, официальном обращении нижестоящего к вышестоящему.

Таким образом, возникнув в русском языке в XIX веке по модели других аналогичных этикетных обращений, слово *глубокоуважаемый* используется при обращении к уважаемым и почтенным людям (как с именем собственным, так и с нарицательным, обычно родовым обозначением принадлежности субъекта к какой-либо группе), предпочтительно при официальном обращении к вышестоящему адресату, а также используется при упоминании таких людей. Не в официальной речи слово может служить для создания комического эффекта (в том числе в сочетаниях с конкретными неодушевленными существительными).

Литература.

1. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2004. Т. IV.
2. Большой академический словарь русского языка. М.–СПб., 2006. Т. 4.
3. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / Под ред. Мжельской О.С. СПб., 2010. Вып. 3.
4. Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. М., 2005. С. 769–770.

*Санкт-Петербургский
государственный университет*